А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 73** **27 марта 2025 года**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе …., с участием адвоката Н. и представителя заявителя Ш. – Ши., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ш. от 10 ноября 2024 года (вх. № …) в отношении адвоката Н. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 15 января 2025 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 и 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Н. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ш., выразившемся в одностороннем отказе, начиная с 30 октября 2023 года, от исполнения принятого на себя поручения по Договору об оказании юридической помощи от 21 октября 2023 года по осуществлению его защиты по уголовному делу №…, находящемуся в производстве Т… МРСО СУ по СЗАО ГСУ СК РФ по городу Москве;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Н. по жалобе Ш. от 10 ноября 2024 года (вх. №…), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Н. в заседании Совета сообщил, что заключение Квалификационной комиссии получил, с ним ознакомился и согласен. Кроме того, пояснил, что получил от заключившей с ним соглашение Ши. уведомление о его расторжении в одностороннем порядке, а также

требование о представлении ей отчета о проделанной работе и возврате неотработанной части денежных средств. Отчет им был подготовлен и направлен Ши., а также возвращена неотработанная часть денежных средств в размере 10 тысяч рублей. Он полагал, что это ее совместное с мужем – Ш. решение и поэтому не пошел к Ш. в следственный изолятор для выяснения его отношения к решению его супруги. Он был уверен в том, что соглашение расторгнуто, и поэтому перестал осуществлять защиту Ш., у которого к тому времени был уже другой адвокат.

Заявитель Ш., содержащийся под стражей, извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, обеспечил явку представителя – Ши., которая пояснила, что просила адвоката Н. представить отчет о проделанной им работе по защите ее мужа – Ш., а также вернуть неотработанную часть денежных средств. Однако о расторжении заключенного ею с адвокатом Н. соглашения на защиту мужа она адвокату Н. не говорила и не расторгала его. Муж от его юридической помощи не отказывался. Несмотря на это, адвокат Н. самоустранился от его защиты.

Совет, учитывая эти обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие заявителя Ш.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве Т. МРСО СУ по СЗАО ГСУ СК РФ по городу Москве находилось уголовное дело №… по обвинению Ш. в совершении нескольких преступлений, предусмотренных пунктом «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. 20 октября 2023 года адвокатом Н. была принята размещенная следователем указанного следственного отдела Б. в АИС АПМ заявка на обеспечение подозреваемого Ш. защитником в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ. В этот же день при участии адвоката Н. Ш. был допрошен в качестве подозреваемого, задержан в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ, а затем ему было предъявлено обвинение и произведен его допрос в качестве обвиняемого. 21 октября 2023 года постановлением Т. районного суда города Москвы в отношении обвиняемого Ш. была избрана пресечения в виде заключения под стражу. Защиту Ш. в судебном заседании указанного суда осуществлял адвокат Н.

В этот же день между адвокатом Н. и женой обвиняемого Ш. – Ши. был заключен договор об оказании юридической помощи, по которому адвокат Н. принял на себя обязанность оказать юридическую помощь по защите Ш. в Т. МРСО СК г. Москвы в ходе предварительного следствия, а Ши. обязалась оплатить адвокату Н. оказываемую им юридическую помощь. Согласно п. 3.1 указанного Договора вознаграждение адвоката Н. составило 100 000 рублей,

из которых 50 000 рублей подлежали оплате в день заключения договора, а оставшаяся часть – 20 ноября 2023 года. В этот же день Ши. перечислила адвокату Н. 50 000 рублей в счет оплаты вознаграждения.

Адвокатом Н. была подготовлена и подана апелляционная жалоба на постановление Т. районного суда города Москвы от 21 октября 2023 года об избрании в отношении обвиняемого Ш. меры пресечения в виде заключения под стражу.

30 октября 2023 года в мессенджере WhatsApp Ши. направила адвокату Н. сообщение, в котором просила представить ей отчет о проделанной работе. Такой отчет, а также акт выполненных работ от 30 октября 2023 года адвокат Н. представил. Согласно этим документам стоимость оказанной адвокатом Н. юридической помощи составила 40 000 рублей, и в этот же день он вернул безналичным перечислением Ши. 10 000 рублей. С этой же даты адвокат Н. перестал осуществлять защиту Ш.

Заявителем в отношении адвоката Н. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что он самоустранился от защиты доверителя и не принимал участие в производстве процессуальных действий, а также, начиная с первого допроса доверителя 20 октября 2023 года, халатно относился к исполнению своих профессиональных обязанностей.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в самоустранении адвоката Н. от защиты, Совет отмечает следующее.

В соответствие с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

Как указано выше, договор с адвокатом Н. от 21 октября 2023 года об оказании юридической помощи Ш. был заключен в его интересах Ши. Заявитель Ш. дал согласие на осуществление его защиты адвокатом Н., что подтверждается участием последнего в качестве защитника в ряде следственных действий, проводившихся с участием заявителя, а также в судебном заседании при рассмотрении ходатайства органа следствия об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу.

В материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо сведения, кроме пояснений адвоката Н., подтверждающие факт получения им уведомления Ши. о принятом ею решении о расторжении в одностороннем порядке договора об оказании юридической помощи Ш., заключенного в письменной форме. При этом согласно ч. 1 ст. 452 ГК РФ соглашение об изменении или о расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев не вытекает иное.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката под доверителем понимается не только лицо, с которым адвокат заключил соглашение об оказании юридической помощи, но и лицо,

которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом.

В п. 3 Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, указано:

«Определяя нормативную возможность одностороннего отказа от исполнения соглашения об осуществлении защиты по уголовному делу, адвокат должен во всяком случае руководствоваться требованиями разумности и добросовестности, предъявляемыми пунктом 4 статьи 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Под добросовестностью в том числе следует понимать требование проявления необходимой заботы о законных интересах доверителя, а также интересах осуществления правосудия и о недопущении причинения им вреда. Некоммерческий и публично-правовой характер адвокатской деятельности предполагает недопустимость каких-либо действий или решений, основанных исключительно на личном, в том числе финансовом, интересе адвоката в конкуренции с публичной функцией адвокатуры. Права и законные интересы доверителя, а также интересы надлежащего отправления правосудия являются безусловным приоритетом в деятельности адвоката, носящей явно выраженный публичный характер.

Вместе с тем к таким интересам не может быть отнесено манипулирование доверителем этическими ограничениями в деятельности адвоката с целью неисполнения или очевидно недобросовестного исполнения своих обязательств по соглашению. В соответствии с общеправовым правилом, закрепленным в пункте 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Данное правило является, в том числе и частью принципа добросовестности в адвокатской деятельности.

Таким образом, очевидное и намеренное неисполнение доверителем добровольно принятых на себя обязанностей по соглашению с адвокатом может являться основанием одностороннего отказа от исполнения соглашения об оказании юридической помощи. При этом адвокат обязан действовать разумно и добросовестно по отношению к своему доверителю, а также по отношению к надлежащему отправлению правосудия по делу. В том числе им должны быть приложены достаточные усилия для выяснения причин неисполнения или ненадлежащего исполнения доверителем своих обязательств, оценки их уважительности, принятия мер для недопущения или минимизации вреда интересам доверителя таким односторонним отказом и другие».

Вместе с тем, в соответствии с п. 2 ст. 430 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента

выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

Как следует из договора об оказании юридической помощи от 21 октября 2023 года, каких-либо изъятий из общего правила, предусмотренного п. 2 ст. 430 ГК РФ, в нем не содержится.

Таким образом, получение адвокатом Н. уведомления Ши. об одностороннем расторжении ею договора, даже если бы оно имело место, не влекло автоматического прекращения его действия, поскольку после получения адвокатом согласия обвиняемого Ш. на участие в уголовном деле в качестве его защитника, договор об оказании юридической помощи Ш. мог быть расторгнут только с согласия Ш., оформленного надлежащим образом, исключающим разумные сомнения в его достоверности. Однако адвокат Н. не совершил никаких действий по выяснению позиции своего доверителя Ш., которому он оказывал юридическую помощь в виде защиты по уголовному делу. При этом Ш. не отказывался от юридической помощи адвоката Н. и не давал согласия на расторжение Договора об оказании юридической помощи. Доказательств обратного в материалах дисциплинарного производства не содержится.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Н. в указанной части опровергнутой и, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом Н. профессиональных обязанностей перед доверителем Ш. при описанных обстоятельствах.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что, начиная с первого допроса доверителя 20 октября 2023 года, адвокат Н. халатно относился к исполнению своих профессиональных обязанностей, Совет отмечает его неконкретность. Заявителем не указано, в чем именно, по его мнению, выражалось халатное отношение адвоката Н. к исполнению профессиональных обязанностей. Вместе с тем, из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Н. принимал участие во всех следственных действиях, проводившихся с участием заявителя Ш., совместно с ним знакомился с протоколами следственных действий по их завершении. Все протоколы следственных действия подписаны Ш. без замечаний. Претензии к качеству исполнения адвокатом Н. профессиональных обязанностей возникли у заявителя лишь спустя год после окончания их исполнения последним.

С учетом изложенного, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что в указанной части дисциплинарных обвинений презумпция добросовестности адвоката Н. не опровергнута.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Н. за совершенное им дисциплинарное нарушение,

Совет принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом требований законодательства и профессиональной этики, а также обязательств перед доверителем. Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат Н. нарушение признал, а также отсутствие у него дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет полагает обоснованным применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Н. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 и 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ш., выразившееся в одностороннем отказе, начиная с 30 октября 2023 года, от исполнения принятого на себя поручения по Договору от 21 октября 2023 года об оказании юридической помощи по осуществлению его защиты по уголовному делу №…., находящемуся в производстве Т. МРСО СУ по СЗАО ГСУ СК РФ по городу Москве.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Н. по жалобе Ш. от 10 ноября 2024 года (вх. № …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**